

Дискуссии о вопросе происхождения римского митраизма в антиковедении и иранистике

Научный руководитель – Алонцев Максим Альбертович

Коробова Е.О.¹, Трунина А.Д.²

1 - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия, *E-mail: elizavetak@me.com*; 2 - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия, *E-mail: anastasiatrunina89@gmail.com*

Трунина Анастасия Дмитриевна

Студентка

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: anastasiatrunina89@gmail.com

Коробова Елизавета Олеговна

Студентка

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: elizavetakorobovaa@gmail.com

Вопрос о происхождении митраизма на территории Рима интересует исследователей с самого начала его изучения: является ли он полностью перенесенным из Ирана культом, искусственно сконструированным по иранскому прообразу уже в Римской империи или же возникшим в Риме под влиянием некоторых иранских мотивов? Данным вопросом занимались исследователи митраизма на протяжении долгого времени, сформулировав ряд историографических подходов. Цель настоящего доклада — проанализировать и сопоставить существующие дискуссии о вопросе происхождения римского митраизма в антиковедческой и иранистической традиции. Исследование и анализ историографии как первостепенный этап на пути к разрешению этой проблемы представляется актуальным в контексте кросс-культурных исследований религиозной динамики Древнего Мира и Поздней Античности.

До 1970-х гг. гипотеза Франца Кюмона о том, что культ является персидским по своему происхождению, не подвергалась сомнению. Исследователь предполагал, что культ проник в Рим через иранское сообщество «магов», существовавшее в Анатолии, а в основе римского митраизма лежит древняя религия Ирана зороастризм или маздаизм [1, 20]. По Ф. Кюмону, «восточные религии» состояли из трех компонентов: участие в ритуалах, прислуживание божеству и, самое главное, инициация в процессе мистерии.

Даже на самых начальных этапах в этих суждениях находятся проблемы: говоря о переходе римской религии в восточную, Ф. Кюмон игнорирует эллинистический религиозный контекст и лишь частично принимает во внимание астрологию и магические элементы, которые, как правило, нельзя не включать в дискуссии о митраизме [2, 293]. Также, в культе Митры в Иране, в отличие от культа на территории Римской империи, присутствовали такие элементы, как серия инициаций, предполагающих достижение новых уровней религиозного опыта, и большая секретность доктрины; особые храмы в виде гротов, где встречались члены культа, и тавроктония. Последнее особо примечательно, так как в иранском мифе Митра не убивал быка [6, 18].

Первая критика «иранской гипотезы» Ф. Кюмона была резкой: на международном конгрессе в Манчестерском университете 1971 года звучали идеи о том, что исследования митраизма необходимо начинать с нуля, полностью игнорируя идеи Ф. Кюмона [3, 260].

Джон Хиннеллс критикует ключевой аргумент Ф. Кюмона в пользу иранского происхождения митраизма, связанный с символами тавроктопии. Ф. Кюмон интерпретирует присутствие собаки и змеи как дуалистичность, так как в некоторых иранских текстах Ахура-Мазда (добро) представлен как собака, а Ахриман (зло) как змей. Однако Д. Хиннеллс возражает против этой интерпретации, указывая на то, что на изображениях змея и собака не конфликтуют, а игнорируют друг друга. Это обстоятельство ставит под сомнение возможность однозначной интерпретации данных символов как свидетельства зороастрийского дуализма.

Несмотря на отход от «иранской гипотезы» Ф. Кюмона, большинство исследователей признают какую-то степень персидского влияния на митраизм. У нас есть основания полагать, что мистагоги римского культа признавали Митру как персидского бога, который и должен изображаться в одеяниях, соответствующим восточным канонам: туника, анаксириды и фригийский колпак. Фригийский колпак изображался не только на голове божеств, но и как головной убор предводителей митраистических групп, называвшихся отцами (*patres*). Примечательно, что колпак в целом часто обозначает что-либо персидское в разных контекстах. Одно из немногих изображений Митры не в восточных одеяниях — это Митра, выходящий из камня [2, 302].

В классическом греческом восприятии стрельба из лука и охота на лошадях имели неоспоримо персидские коннотации, а значит Митру, делающего именно это, можно воспринять как персидское заимствование. Кроме того, римский поэт Стаций предпринимает спекулятивную попытку сопоставить представление о Митре как о персидском солнце с римским митраизмом. Но в текстах других авторов это скорее не находит отражения, помимо формулы Драконция «*Sol persice Mithra*» [2, 314].

Вопрос о письменных источниках и их корректности вызывает особый интерес. Неоплатоники в своих текстах часто ссылаются на митраизм, но, как выявил Роберт Туркан, они интерпретировали культ так, чтобы он подходил под их философские суждения, соответственно, их идеи о митраизме не стоит использовать как однозначные свидетельства [5, 71]. Но остается возможным, что описанные ими практики осуществлялись не систематически, а отдельными мистагогами, поэтому какие-то их интерпретации мы можем учитывать в анализе [4, 50].

Исследователи митраизма все больше отходят от строгого следования иранской или неиранской теории. Одним из недавних примеров этой тенденции является введение термина «персианизм». Персианизмами называют связанные с Персией идеи и ассоциации, которые присваиваются другими культурами по социальным и политическим причинам. Анализ отдельных аспектов культа Митры позволяет учитывать особенности сложных кросс-культурных взаимоотношений и избегать строгого выбора в рамках бинарной оппозиции «римское» и «иранское» [2, 324].

Источники и литература

- 1) 1. Cumont, F. V. M. *Textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra*. Brussels: H. Lamertin. 1894 - 1899.
- 2) 2. Gordon, R. *Persae in spelaeis solem colunt: Mithra(s) between Persia and Rome // Persianism in Antiquity / Ed. R. Strootman and M. J. Versluys: Oriens et Occidens, 2017. P. 289–325.*
- 3) 3. Hinnells, J. *Mithraic Studies: Proceedings of the First International Congress of Mithraic Studies*. Manchester: Manchester University Press. 1975.
- 4) 4. Momigliano, A. *Alien Wisdom: The Limits of Hellenization*. Cambridge: Cambridge University Press. 1975.

- 5) 5. Turcan, R. Mithras Platonicus: Recherches Sur L'Hellenisation Philosophique De Mithra // Études Préliminaires Aux Religions Orientales Dans L'Empire Romain. 1975, №47. p. 62 - 89.
- 6) 6. Ulansey, D. The Origins of the Mithraic Mysteries: Cosmology and Salvation in the Ancient World. New York: Oxford University Press. 1991.